

Предисловие

Русский отдыхает. Стройный, с надменным красивым лицом, в сопровождении на удивление высокого мальчишки он бродит вдоль форелевого ручья в горах Уосатч, в нескольких милях от Солт-Лейк-Сити, столицы штата Юта. В руках у гуляющих сачки для ловли бабочек. “В день я прохожу по 12–18 миль¹, — сообщает Набоков в письме, которое датируется ориентировочно 15 июля 1943 года, — в одних лишь шортах и теннисных туфлях... в этом каньоне всегда дует холодный ветер. Дмитрий ловит бабочек, сусликов, строит запруды и развлекается вовсю”.

Войска союзников высадились на Сицилии. Гиммлер приказал уничтожить еврейские гетто в Польше. Писатель Владимир Набоков ловит *Lycaeides melissa annetta*, мелких красивых бабочек с блестящими голубыми крыльышками. Он находит экземпляры “на обоих берегах реки Литл-Коттонвуд на высоте 8500–9000 футов... для их среды обитания характерны... купы дутгасий, муравейники... и заросли *Lupinus parviflorus Nuttall*”², местных бледных люпинов.

Писатель, который ловит бабочек, — коронный образ Набокова в Америке — обманул миллионы. “Дядька без штанов и рубашки”³ — таким увидел его тем летом местный подросток Джон Дауни: он встретил Набокова на дороге в каньоне Коттонвуд. Писатель “шастал полуголим”, а когда мальчишка поинтересовался у Набокова, чем таким он занят, тот сперва ничего не ответил.

Ему было сорок четыре года. В ноябре Набокову удалят два передних зуба, а вскоре и остальные. (“Мой язык ощущает себя во рту подобно человеку, вернувшемуся домой и обнаружившему, что вся его мебель куда-то запропастилась”⁴.) Лысеющий, с узкой грудью, заядлый курильщик. Двадцать лет до приезда в Америку жил в крайней бедности — в конце концов, он же художник, а какой художник без лишений? Жена его, Вера Евсеевна, бралась

за любую работу, лишь бы прокормить семью. Ни Набоков, ни Вера никогда особенно не любили готовить, так что лишний вес им точно не грозил.

Набоковы угодили в историческую мясорубку и чудом уцелели. В перипетиях XX века они оказались персонажами в духе Зелига: большевики отобрали у них родину, из нацистского Берлина и оккупированного Парижа Набоковы едва успели унести ноги, — “маленькие люди”, в спину которым дышало злобное чудовище. Окажись они летом 1943 года в СССР, наверняка очутились бы среди тех тысяч ленинградцев, что умерли от голода в самую страшную блокаду в истории человечества. Останься Набоковы во Франции⁵, из которой им удалось бежать в самый последний момент, на последнем французском пароходе в Нью-Йорк, Вера, как еврейка, и их маленький сын, скорее всего, попали бы в концлагерь Дранси, откуда заключенных отправляли в Аушвиц-Биркенау.

И вот вместо этого — *melissa annetta*. Прогулки под солнцем дни напролет. В штате Юта не было ни холеры, ни массового голода. И хотя первое впечатление отдавало восхитительным абсурдом (надменный Набоков среди сурков и мормонов), природа неизменно вызывала у писателя восторг, и Америка манила его всю жизнь. Он отличался от прочих отчаявшихся иммигрантов военных лет, которые селились беспокойными анклавами в Нью-Йорке (за исключением художников со связями: эти направлялись прямиком в Голливуд). Три тысячи миль между рекой Гудзон и Тихим океаном на карте Соединенных Штатов, которую изобразил в 1976 году Сол Стейнберг, представлены в виде желтовато-коричневого каменистого клоака земли: несомненно, именно такой представляли себе Америку многие эмигранты. На Западе процветали бескультурье, изоляционизм, антисемитизм и без пяти минут фашизм. Многие образованные европейцы рассказывали о грубости американцев, их надменном невежестве, и эти истории лишь усиливали настороженность, с которой относились к американскому обществу. Разумеется, Набоков все это знал и первый был рад посмеяться над глупостью американцев. Он получил великолепное европейское образование, в совершенстве владел тремя языками, богатые и заботливые родители, разделявшие самые передовые взгляды своего времени, привили ему любовь к культуре и искусству, и вдруг он очутился среди ковбоев и религиозных фанатиков. Что это, как не насмешка судьбы?

Приглашенный преподавать в летней школе в Стэнфорде, Набоков не спешит через всю страну на поезде, но вместо этого отправляется в путешествие длиною в девятнадцать дней на “понтиаке”, за рулем которого его американский друг. Поездка “удалась на диво”⁶, как признавалась в письме Вера, а Владимир рассказывал Эдмунду Уилсону, еще одному своему американскому другу: “Во время нашего автомобильного путешествия через несколько штатов (все — очень красивые) я увлеченно охотился на бабочек”.

В свои сорок с небольшим Набоков по-прежнему выглядел довольно молодо. Да, у него были вставные зубы и он — худой, с впалой грудью — походил на больного туберкулезом, однако оставался физически крепким и молодым еще и в том смысле, что был безгранично влюблен в себя, точно восьмилетний мальчишка, который испытывает своим именем страницу учебника. Эта эгоистическая витальность, с которой окружающим было не так-то просто смириться, помогает объяснить странный факт его биографии. За двадцать лет, прожитых в Америке, он наездил почти 200 тысяч миль на машине, причем в основном по западным высокогорьям, во время отпусков, когда он занимался ловлей насекомых. Вера и Дмитрий разделяли его любовь к прогулкам: оба отлично охотились за бабочками, хотя Дмитрий, повзрослев, старался никогда не показываться на публике с сачком (на всех фотографиях, где он изображен с сачком, ему не больше семи).

Две сотни тысяч миль на машине. Разделите их на тринадцать — столько лет семейство Набоковых совершило длительные автомобильные поездки, сделайте поправку на то, что за рулем неизменно была Вера (пока Дмитрий не подрос и не смог ее подменять), прибавьте Владимира, который, сидя на пассажирском сиденье, то и дело сверялся с картой или что-то писал на карточках размером 10 × 15 см, и получите нечто вроде коэффициента глубокого счастья. Набоковым было очень хорошо вместе, и дни их были подчинены простейшей цели: они перемещались *оттуда сюда*, останавливались в заезжих дворах по доллару-два за ночь, в таких типично американских городках, что поневоле улыбнешься. В письмах Уилсону и прочим Набоков описывает эти поездки живо, но сдержанно. Сообщает о том, что загорел, о насекомых, которых удалось обнаружить, но и только. Глубокое счастье не располагает к рассказам. В то же время он продолжает заниматься и другими делами: работает над несколькими книгами, в частности над биографией Гоголя, мемуарами “Убедительное доказательство” (впоследствии озаглавленных “Память, говори”), романами “Лолита”, “Пнин” и “Бледное пламя”, а также над многотомным переводом “Евгения Онегина” с комментариями. В конце концов, Набоков — профессионал, он всегда работает, так почему бы не в дороге? Ведь сочинительство — это еще одно удовольствие.

В эти послевоенные годы американцы восхищались Диким Западом, искали собственное отражение в историях о ковбоях и первых поселенцах. Вестерны и раньше пользовались успехом, теперь же их популярность и вовсе взлетела до небес. В тот же период американцы чаще стали проводить отпуск, путешествуя на автомобиле по стране, и заезжие дворы (которые по новой моде стали называть “мотелями”) открывались повсеместно. Прокладывали новые дороги, чинили старые. Сеть федеральных скоростных автомагистралей, которую было решено организовать в 1956 году по указу президента

Эйзенхауэра, стала самым масштабным общественным проектом в истории человечества и высшим достижением американского дорожного строительства. В пятидесятые машины стали лучше, у людей появились лишние деньги, Соединенные Штаты только что выиграли великую войну: отчего бы и не съездить в Йеллоустоун?

Все эти странствия нашли отражение в американской литературе — в целом довольно посредственной, по мнению Набокова, хотя и не лишенной интереса. В американской литературе существует течение, которое вступает в противоречие с основным потоком достойнейших романов о сложных общественных отношениях — книгами Готорна, Хоуэлса, Джеймса, Кэсер, Драйзера и так далее, причем в то время, когда Набоков оказался в Америке, это течение вновь набирало силу. Традиция началась с Уолта Уитмена, отца нашей поэзии, первого американского поэта, который, надев фетровую шляпу с мягкими полями и туристические ботинки (словно для того, чтобы сматывать на бродягу), пустился в путь. Генри Миллер, большой знаток не американских обычаев, но европейских пороков, в 1930-е годы тоже отправился путешествовать. Битники странствовали и лихорадочно писали в то самое время, когда Набоков, искренне гордившийся тем, что его считают модернистом, только-только сошел на американский берег и незаметно влился в то же литературное течение.

Перекликается творчество Набокова и с еще одной составляющей американской литературной традиции — собранием грубых, но забавных небылиц, причем в этой куче отбросов попадаются истинные бриллианты. Эта традиция берет начало с капитана Джона Смита и через Уильяма Бартрама и Гектора Сент-Джона де Кревкера продолжается до Эмерсона, Одюбона, Торо, Джона Мьюра, Джона Берроуза и многих современных авторов — странствующих натуралистов, которые наблюдают за природой, хоть и не являются учеными. Пожалуй, больше всего в этом с Набоковым (который, к слову, терпеть не мог, когда его с кем-то сравнивали) схож Мьюр, родонаучальник американского движения за охрану природы, новатор, переосмысливший роль ледников в формировании ландшафта: его труды упредили знаменитые набоковские поправки к научной классификации полиоматиновых, подсемейства голубянок, которые привели к полной его реорганизации. Частые и продолжительные прогулки Набокова по лесам и лугам того края, который он со временем стал называть своим “родным Западом”⁸, перекликаются с тысячами путешествиями Мьюра. Оба больше всего любили высокогорья. Оба были дарвинистами, которые тем не менее ушли от общепринятого восприятия этого учения и иногда высказывались в духе креационизма и мистицизма. Мьюр был, пожалуй, последним истинным трансцен-

Каньон Литл-Коттонвуд, штат Юта

денталистом: он, как научил его Эмерсон, верил, что “всякое природное явление есть символ явления духовного”. Набоков тоже был спиритуалистом и, в частности, верил в существование потусторонних сил, которые обитают в нашем грешном земном мире.

Но вернемся к тому дню и дороге в каньоне Коттонвуд. Джон Дауни, мальчишка, спросивший у Набокова, чем тот занимается, уже знал ответ: Дауни и сам коллекционировал бабочек, а впоследствии стал известным энтомологом. Как он вспоминал в дальнейшем (цитирую по аудиозаписи):

Не получив ответа, я все же продолжал: “Я тоже коллекционирую бабочек!” Он мельком взглянул на меня, приподнял бровь... но ничего не сказал и даже не замедлил шаг. Вдруг над дорогой порхнула какая-то нимфалида, если я правильно помню. “Что это?” — спросил он. Я в ответ попробовал воспроизвести латинское название бабочки, поскольку прежде мне не доводилось использовать термины в беседе с явными специалистами. Не так давно я про-

чел “Книгу о бабочках” Холланда. Набоков по-прежнему не замедлил шаг, однако на этот раз приподнял бровь чуть выше и не опускал чуть дольше. Еще одна бабочка пролетела над дорогой. “А это что?” — спросил он. Я произнес ее название, но уже не так уверенно... “Гм!” — только и ответил он. На глаза ему попался экземпляр другого вида... Я предположил, что это может быть, и тут он, к моему удивлению, остановился, протянул мне руку и проговорил: “Ну, здравствуй! Я Владимир Набоков”. Вот так мы и познакомились⁹.

Здесь мы имеем возможность наблюдать, как грозный Владимир Набоков, который подчас держался отчужденно и снисходительно, заводит знакомство. Даунни был не первым из его многочисленных друзей-коллекционеров: сойдя с французского парохода, Набоков едва ли не сразу же отправился в Музей естественной истории, расположенный между Семьдесят девятой улицей и Сентрал-Парк-Вест, где познакомился с сотрудниками и совершил их очаровал. В предшествовавшие двадцать лет Набокову остро не хватало общения с собратьями-коллекционерами, он крутился, зарабатывая на жизнь, и не мог себе позволить часто выбираться на природу или хотя бы посещать музеи. Однако он с увлечением читал научную литературу, и ему не терпелось посетить популярные места, где в Америке можно было поохотиться на бабочек. Уильям П. Комсток, научный сотрудник музея, и его коллеги делали работу, которую Набоков уважал, а главное — в Музее естественной истории трудились энтузиасты, которые, как и Набоков, для пополнения коллекции охотно выезжали на природу. Они говорили на его родном языке — я имею в виду не русский, а научную латынь, — и им, как никому, было понятно то детское удовольствие, которое испытывал писатель, когда ловил бабочек или же изучал их под микроскопом.

Здесь мы видим, как Набоков исполняет еще одно исконно американское пророчество. Оно гласит, что на этих землях установится новый тип отношений между людьми: демократические, искренние, плодотворные. Набоков, хоть и не особо любил Уитмена¹⁰, воплотил в жизнь его завет дружить с обычными людьми, сближаться с простолюдинами. Разумеется, американские энтомологи — совсем не то, что нью-йоркские рабочие образца 1855 года или солдаты Гражданской войны, которых Уитмен выхаживал в госпитале, но все-таки они — настоящие американцы, люди практического склада. Они делают то, что меняет мир, они путешествуют и не боятся запачкать руки. Именно они стали преданными друзьями Набокова.

К Набокову я пришел еще в юности и оставался его читателем полвека. Меня восхищает мастерство отдельных его произведений, в особенности я люблю те, что написаны в Соединенных Штатах, в период, который его биографы